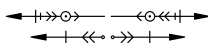

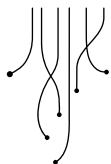

Купава
ОГИНСКАЯ

ЕЕ ЧУДОВИЩЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-36

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Огинская, Купава.

О-36 Ее чудовище / Купава Огинская. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-167012-2

Шелла не сомневалась, встреча с Бароном — худшее, что могло бы случиться в ее жизни. Обратить на себя внимание древней и безжалостной силы.. разве можно придумать что-то страшнее этой напасти?

Необъяснимая эпидемия, превращавшая людей в ходячих мертвецов, показала — может.

Когда город охватила паника и горожане в ужасе искали виновного, единственной защитой Шеллы стал тот, кем ее пугали в детстве.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Огинская К., текст, 2022

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-167012-2

Глава 1

О ГУРМАНАХ И ОШИБКАХ

Первой моей ошибкой было то, что я вообще пошла на день рождения. Не хотела ведь, но найти достойную причину не идти не смогла: сложно отказать подруге детства, даже если в последний раз мы с ней общались полгода назад.

Второй — что поддалась на уговоры именинницы и засиделась допоздна.

Третьей и самой непоправимой ошибкой оказался необдуманный порыв подойти к подозрительному незнакомцу...

Глухая полночь, волчий час, когда луна особенно ярко горит на темном небе, безлюдные улицы и хорошо одетый мужчина, бредущий впереди.

Он едва шел, его шатало и вело то в одну, то в другую сторону, а я пыталась подавить неуместный порыв подойти и убедиться, что он просто пьян. Что это не какое-нибудь ранение вместе с кровью вытягивает из него силу и все на самом деле хорошо.

Мама всегда говорила, что моя привычка лезть ко всем со своей помощью добром не обернется. Мама была права.

— Простите, с вами все в порядке? — Догнала я его быстро, лишь вблизи осознав, какой он высокий.

В неверном лунном свете издалека сгорбленная фигура казалась совсем не опасной. Обессиленной. Стоило же подойти, коснуться широкого, беспомощно опущенного плеча, почувствовать, как под ладонью каменеют мышцы, и идея лезть к постороннему мужику со своей заботой тут же показалась мне очень глупой. Здравый смысл, как всегда, проснулся слишком поздно...

Незнакомец вздрогнул, замер не дыша. Напрягся.

Плохая, очень-очень плохая реакция на такой совершенно обычный вопрос.

— А ты хочешь мне помочь? — не оборачиваясь, поинтересовался он глухим низким голосом, вызывая безотчетное желание отдернуть руку, развернуться и бежать куда глаза глядят.

И я отступила, с ужасом ощущая, как предостерегающе теплеет колечко-оберег в ответ на пронизывающий насквозь недобрый вопрос:

— Желаешь проявить доброту?

Он обернулся резко, порывисто, заставляя отшатнуться, зажимая рот ладошкой. Разогревшееся кольцо обжигало губы, но это сейчас было не важно.

Потому что передо мной стоял он. Тот, кем пугают детей, к кому посылают в сердцах и от кого исправно откупаются кровью.

Каждый год, в одну и ту же ночь осеннего равноденствия, когда ночь только готовится рас-

тянуться на долгие двенадцать часов, а свет еще равен тьме, каждый человек, почитающий заветы предков, обмазывает дверной косяк входной двери кровью. Куриной, овечьей или бычьей. Любой.

Главное, чтобы она была еще теплой, совсем недавно выпущенной из жил. Живой.

Ночь Илхайм, ночь почитания Полуночного Барона, прошла три дня назад. Кровь на дверных косяках была еще совсем свежей, не впитавшейся полностью, не ставшей темными разводами на растрескавшемся дереве как напоминание о принесенных жертвах.

Три дня назад в домах всю ночь не горел свет, а жители города, как один, скрывались в своих постелях, в нетерпении ожидая наступления утра. Ровно три ночи назад Барон прошел по земле.

И что он делал сейчас здесь, в небольшом городе на самой границе? Атар-эль ничем не выделялся среди прочих городов.

Так почему в эту ясную звездную ночь Барон оказался именно здесь, именно в этот час, именно на этой улице? На моем пути.

— Теплая, — резко сменив тон, с неожиданной нежностью протянул он, принюхиваясь. — Живая.

Лицо его, бледное и изможденное, с заострившимися высокими скулами и посеревшимися от боли впалыми щеками, вдруг оказалось совсем близко, а в глазах белым светом разгорался суженный до предела зрачок.

— Красивая.

Я отпрянула совершенно произвольно. Просто очень хотелось, чтобы горячее дыхание, в котором почему-то отчетливо чувствовался запах дыма, не касалось моего лица.

— Куда же ты?

Рука, ухватившая меня за запястье, была холодной, и пальцы — длинные, сильные, совершенно ледяные — чуть подрагивали.

Возможно, именно этот намек на его слабость дал мне силы сопротивляться, и пнула Барона я с мстительным удовольствием, в которое мутировали отголоски моего страха.

Он вздрогнул, дернулся, но пальцы не разжал и на свободу меня не выпустил, со странной предвкушающей улыбкой прошептал:

— Дерзкая.

Дальше произошло что-то совсем уж невероятное и совершенно абсурдное.

Полуночный Барон дернул меня на себя, больно сжал подбородок пальцами, заставляя запрокинуть лицо, и накрыл мой рот губами.

Ошалев от происходящего, я с опозданием осознала, что он ко мне не целоваться полез, что чужие губы, сухие и жесткие, сейчас терзают мои просто потому, что так проще пить жизненную силу.

Что руки, крепко удерживающие меня на месте и полностью пресекающие все попытки вырваться, теплеют оттого, что холодею я. Он жадно вытягивал из меня жизнь, медленно подбিরаясь к самому главному, и от осознания этого хотелось кричать.

Когда два дня назад женщина в торговом ряду пожелала мне в сердцах быть Полуночником поцелованной, я и предположить не могла, что ее пожелание сбудется.

Но вот она я, готовлюсь расстаться с жизнью в руках страха и ужаса.

И это было так несправедливо...

Укусила его я совершенно случайно, просто от бессильной злости цапнула и очень удивилась, когда Барон не попытался меня придушить, а отстранился, тихо смеясь.

— Пожалуй, ты права, — беззлобно проговорил он, почти сытый и оттого подобревший. — С меня на сегодня хватит.

Прижатая к вернувшему мощь телу, я смиренно снесла быстрый, совершенно невероятный поцелуй, не имеющий ничего общего с недавним питанием... мной, и последовавшее сразу за поцелуем осторожное прикосновение теплых губ ко лбу:

— Что ж, душа моя, мне пора идти, нужно закончить кое-какие дела, раз уж у меня так удачно появились на это силы.

Я заторможенно кивнула, полностью с ним согласная. Нужно идти, раз уж есть возможность. Совершенно точно нужно идти.

А меня стоит оставить здесь и больше никогда обо мне не вспоминать. Я свято верила, что лучше быть недоеденной, чем мертвой.

— Не прощаюсь, — пробормотал он, нежно заправив мне за ухо волосы.

— Давайте лучше распрощаемся, — шалея от собственной смелости, прошептала я, чем вызвала добродушный смешок.

— Нет, моя сладкая, нас с тобой ждет очень много встреч. — Еще одно прикосновение губ ко лбу, и меня обнадежили безысходным: — Обещаю, буду давать тебе достаточно времени на восстановление.

И он рассеялся в лунном сиянии, оставив меня одну медленно оседать на каменную мостовую.

Сидела я так довольно долго, ощущая тепло чужих рук и безуспешно пытаясь осмыслить одну простую, но совершенно ужасную мысль: мной собирался питаться один из Высших. В смысле, не просто съесть и труп выбросить, а прямо питаться. Долго.

* * *

Нормальный человек, которого из меня и хотели вырастить родители, в такой ситуации не раздумывая бросился бы в храм просить защиты у Многоликого, благо двери храма открыты всегда.

Но я была не совсем нормальной и вместо того, чтобы нестись сломя голову и рассыпать перед алтарем монеты на радость жрецам, медленно побрела домой. Пребывая в вязком, сонном состоянии, отчаянно не веря в произошедшее, я заперла двери и активировала защитный контур, призванный охранять не только мага-

зинчик, расположенный на первом этаже, но и жилые комнаты второго.

И уже дома, с трудом дождавшись утра, я выгребла большую часть своих сбережений, безжалостно давая жадность, и отправилась в нижние кварталы.

Как и всякий ненормальный человек, защиту я собиралась просить не у высших сил, а у сильной ведьмы с поганым характером.

Ведьм в наших землях не то чтобы боялись, их недолюбливали и опасались и запрещали им селиться в центре и вблизи храмов Многоликого. Последнее было исключительно требованием жрецов: не могли они ужиться с представительницами старой веры, что отказывались признавать их бога, продолжали поклоняться природе и чтить луну.

К одной из таких упрямых и притесняемых я и спешила ранним утром, петляя по узким улочкам, утопающим в утреннем прозрачном тумане.

Извозчики не любили ездить в нижние кварталы и плату брали двойную (а по вечерам и тройную) за какие-то десять минут дикой тряски. А я не любила тратиться, потому на дорогу до домика почтенной Улисы потратила чуть больше двадцати минут и ни одной монеты. Вопреки слухам, нижние кварталы были едва ли не самым безопасным местом в нашем городе: ведьмы хорошо следили за порядком на своей территории, потому ходить здесь можно было совершенно безбоязненно.

Длинная улица с характерным названием Копченый Котел упиралась в площадь Трех Дождей. На площадь я спешила мимо аккуратненьких светлых домиков, спрятанных за высокими заборами, старательно оплетенными цветами.

Тихое уютное место...

Улиса была сильной ведьмой, одной из верховных, составлявших ведьмин круг, и потому жила в одном из шести домов, расположенных на площади. В центральном, выделяющемся среди остальных белокаменных зданий серой кладкой высоких стен и темными провалами больших окон, не украшенных воздушными шторками.

Я не успела даже взяться за увесистый молот в виде птичьей головы, чтобы сообщить о своем приходе, как дверь распахнулась, а на пороге, подперев крутое бедро кулачком, во весь свой скромный рост встала рыжая девица в простом синем платье.

Когда люди говорят о сильной злой ведьме, то почему-то всегда представляют себе сгорбленную тощую старуху с крючковатым носом и неизменной бородавкой и очень удивляются, увидев молодую, полнокровную и весьма симпатичную девицу.

— Ну, заходи, — велела Улиса неожиданным для своего вида сильным грудным голосом. — Расскажи, что за беда тебя ко мне привела.

Неприятности она чувствовала просто мастерски, что, собственно, и стало причиной нашего знакомства.

Два года назад хозяйка магазинчика, который теперь был моим, чуть не разорилась. Улиса, как и всякая уважающая себя ведьма, попыталась выкупить удачно располагающееся здание (не центр, но не очень далеко от него; храмов опять же поблизости нет, и до нижних кварталов рукой подать), чтобы сделать из него свой магический магазинчик. Вот только если люди просто опасаются иметь дела с ведьмами и стараются не продавать им недвижимость или что-то ценнее булки хлеба, то я имела дурость Улисе надерзить. Глупая была, молодая, с ведьмами до этого дел не имела.

Вопреки ожиданиям, кара меня не наступила. Напротив, продажи после того случая у нас пошли в гору, но хозяйка, крайне суеверная дама Митри Алес, не смогла и дальше вести дела и уехала из города, позволив мне выкупить ее дело.

Так диковатая, но неприлично самонадеянная деревенская девчонка и стала обладательницей целого магазина... и внушительного кредита в местном банке.

Но это, пожалуй, было еще не самым удивительным; куда как невероятнее оказалось то, что спустя две недели после заключения договора и смены моего статуса с просто работницы на хозяйку магазина Улиса заглянула на чай.

Как тогда выяснилось, безмозглые девчонки с отвратительным характером были ей очень по душе. Чаепитие наше ожидаемо закончилось очередной ссорой, которой я лишь утвердила

ведьму во мнении, что с головой у меня конкретные проблемы, а инстинкт самосохранения отсох еще в детстве.

С тех пор я успела поумнеть, чуть не потерять свое дело, научиться вести счета и платить в срок. Слегка заматерела, но дурости своей не потеряла, а потому продолжала общаться с Улисой не скрываясь.

Горожан это поражало, но от магазина моего не отвращало, чего я боялась сначала. А сплетни... сплетни меня не особо волновали.

В светлой гостиной ведьминского дома пахло свежей выпечкой, а от больших глиняных кружек (Улиса не признавала фарфор и несерьезность тонкостенного сервиза) шел ароматный пар. И мне, расслабившейся в мягком кресле, казалось, что случившееся ночью — всего лишь страшный сон. Если бы не синяки на запястье — напоминание о том, как крепко меня держали, безжалостно выпивая жизнь, — я бы, может, и позволила себе обмануться...

— Рассказывай, — повелела ведьма, пододвигая ко мне блюдо со сдобными вертушками.

— Мне защита нужна, самая сильная, какую ты только можешь сплести.

Признание мое ее очень удивило:

— Сильная? Сильнее той, что я на твой магазин наложила?

— Да! Нет. Не знаю, — стушевалась я. — Наверное. Только ее на меня наложить надо.

— Зачем?

— Ты не поверишь...

Эпический рассказ о встрече с организатором моего будущего некролога в нашей славной местной газете она выслушала спокойно, под конец рассудительно заметив:

— Радуйся, что не убил.

Я честно попыталась радоваться, но воспоминание о том, что Барон обещал еще заглянуть в гости, делало мою радость неискренней. Улиса это заметила и попыталась подойти к проблеме с другой стороны:

— Но не на Сумеречного же ты наткнулась, в конце концов. Ходят слухи, что этот Высший свихнулся и начал таскать в свой лес человеческих женщин. А какая женщина сумеет выжить в Сумеречной зоне? Пока страдают жители резервации светлых, но и до нашего острова беда может добраться.

— И откуда ты это знаешь?

— Я же ведьма, — беспечно пожала плечами она, будто это все объясняло. — Защиту я тебе сплету, но ничего не обещаю. Моих сил едва ли хватит, чтобы оградить тебя от Барона.

Говорила она искренне, и от ее искренности у меня все внутри сжималось. Самоуверенная Улиса сомневалась, что сможет что-нибудь противопоставить Высшему... Та самая ведьма, что не побоялась на торговой площади сцепиться с когортой жрецов!

— Совсем ничего сделать нельзя? — тихо спросила я.

— Ну зачем же сразу бледнеть? Мы попробуем.

— А если не получится?

— Попробуем еще раз... что-нибудь другое. О чем ты переживаешь? Он же обещал тебе время на восстановление. Значит, убивать пока не будет. — Она фыркнула. — Я бы на твоём месте радовалась. Если уж сам Высший в тебе что-то разглядел, значит, ты и вправду не простая деревенская выскочка, а что-то большее...

Улиса повела рукой в воздухе, подбирая слова. Я ждала, прекрасно понимая, что сейчас, скорее всего, услышу гадость: делать комплименты она катастрофически не умела.

— Теперь ты стала питательной средой Высшего, есть чем гордиться.

Меня невольно передернуло.

— Ведьма ты, Улиса.

— А то я не знала. — Откинувшись на спинку кресла, она с нескрываемым интересом спросила: — Скажи, а целуется-то Барон как?

— Мне откуда знать? — растерялась я. То, что произошло ночью, поцелуем назвать было сложно. — Меня вообще-то ели.

— Ели, — легко согласилась она, — но для этого не душили, чтобы жизнь выходила быстрее, и не держали просто за руку. Он тебя поцеловал. Так что каково это?

— Страшно. Я, если ты вдруг не в курсе, чувствовала, как мою жизнь воруют.

— А опасности ты не почувствовала, когда на пустой улице увидела человека в черном?

И вроде сказано это было беззлобно, но я все равно смутилась и пристыженно замолчала.

Это можно было считать самой фееричной глупостью в моей жизни.

В наших землях черный цвет носили лишь Барон и офицеры городской стражи. Но у последних черный цвет был разбавлен белой отделкой воротничков, манжет и погон.

В остальном же самым темным цветом в одежде считался темно-серый.

Но как бы я смогла отличить в темноте темно-серый от черного?

Улиса была неумолима и упрямо считала, что должна была...

— Если, конечно, у тебя есть желание жить долго и по возможности счастливо, — с намеком закончила она, — в чем я, конечно, сомневаюсь.

Несмотря ни на что, ведьмовскую защиту Улиса сплела для меня мастерски, прикрепив ее к моему обережному колечку, которое я никогда не снимала.

— Так будет надежнее, — решила ведьма, любясь результатом своего двухчасового труда.

Прислушавшись к себе, я была вынуждена признать, что никаких изменений не заметила. Разве что на душе стало спокойнее.

В порыве чувств я сжала ее ладошку в своих руках:

— Я тебе так благодарна. Ты даже не представляешь как! И я бы с удовольствием в подробностях описала тебе уровень моей признательности, но...

— Пора открывать магазин, — со смешком перебила меня она. — Иди. А я, так уж и быть,

в награду оставляю себе память об этом утре и нашей редкой встрече, не закончившейся скандалом.

Конечно, «скандал» — сильно сказано, наши мелкие ссоры недотягивали до столь грандиозного определения, но я была слишком счастлива, чтобы спорить. Даже не стала уточнять, что кроме воспоминаний ей также остались восемь эссов — круглые блестящие монетки лежали на столе, лоя золотыми боками первые солнечные лучи. Ведьминская защита всегда была дорогим удовольствием, в основном потому, что ведьмы давали пожизненную гарантию, а в случае чего латали свои плетения бесплатно.

Я слишком сильно опаздывала, чтобы позволить себе задержаться в гостях дольше.

Меня ждал мой аптекарский магазинчик, неразобранные травы, неразлитые настои и вечная вера в то, что когда-нибудь я смогу позволить себе нанять работницу.

День прошел на удивление мирно и прибыльно, словно компенсация нервной ночи.

Хотя вечером, закрывая магазин, я всерьез рассматривала вариант напроситься переночевать к кому-нибудь из подруг. Остаться одной в доме после предыдущего ночного знакомства совсем не хотелось. Но несомненная необходимость объяснить свое внезапное вторжение... нежелание это делать было сильнее страха. И я никуда не пошла.

Заперлась на втором этаже, положила рядом с собой на подушку сковороду (первое, что мне

удалось купить на заработанные в городе деньги, и оттого особенно мною любимое), накрылась одеялом с головой и почти сразу уснула.

Бессонная ночь и стандартно-насыщенный день играючи победили все жуткие мысли.

Глава 2

О НОЧНЫХ ВСТРЕЧАХ И НЕПРИЯТНЫХ СЮРПРИЗАХ

Барон не появлялся неделю.

Сначала я перестала запираяться по ночам, чуть позже вернула сковороду на кухню и в конце концов снова начала открывать окна, не страдая больше по ночам в душной спальне. Слишком теплой была осень, чтобы продолжать потворствовать своим страхам.

Наивная, но с каждым днем все сильнее крепнущая надежда на то, что Полуночный Барон обо мне попросту забыл, вернула радость жизни.

Впервые за последние семь дней я даже в лес осмелилась выбраться, бесстрашно покинув черту города, чтобы с утра и до вечера бродить среди деревьев, собирая последние в этом году, уже отходящие травы.

Такие вылазки в лес я могла себе позволить не чаще двух-трех раз в месяц, непременно озаботившись перед этим заблаговременно вывесить объявление с расписанием нерабочих дней во избежание любых недовольств со стороны постоянных покупателей. Но конкретно это вне-

плановое пополнение запасов нигде отмечено не было и сулило мне несколько неприятных бесед.

Я понимала это и готовилась отбиваться от чужого возмущения, но вот чего я точно не ожидала, так это по возвращении в город увидеть на ступенях своего магазина стража.

Он дремал, расслабленно привалившись спиной к запертой двери, и последние лучи заходящего солнца горели на его волосах. Золотое на рыжем выглядело удивительно.

Несколько мгновений я просто любовалась покоем, застывшим на худом лице, и золотистыми отсветами солнца, запутавшимися в медно-рыжих волосах.

Секунд восемь, быть может, десять, не больше, а потом пришло запоздалое осознание: на черном сукне формы стража выделялся стилизованный значок: красный язычок пламени, что значить могло лишь одно — ко мне пожаловал стихийник. Пироманг.

А у меня магазин все еще от огня не заговорен... Вернее, заговорен, но слабенько. Стоящая сейчас защита могла выдержать обычный пожар, но никак не магический.

Словно почувствовав, что его разглядывают, мужчина открыл глаза и тут же встретился со мной взглядом.

И глаза его были рыжими, как разогретые огнем угли.

— Думал, не дождусь, — хрипло сказал он, добавив после секундной заминки: — Вечер добрый.

— Добрый, — согласилась я, хотя уже сильно в этом сомневалась.

Страж поднялся, движением руки растрепав волосы, распугав солнечные лучи и утратив солидную долю сказочности. Особенным он все еще выглядел, волшебным — уже нет.

— Что-то не так? — уточнил страж, заметив, с каким интересом я его разглядываю.

Будто бы что-то могло быть так. Да я за все свои двадцать лет жизни ни одного мага огня не видела! Инициированного, полностью принятого стихией мага огня.

Интересно, до вступления в полную силу он был светленький или темненький?..

— Нет, — с трудом выдавила из себя я. — Вы что-то хотели?

— Мазь от ожогов. — Посмотрев направо, туда, где за домами скрылось солнце, он недовольно отметил: — Жду вас уже второй час.

— На соседней улице есть еще один аптечный магазин. А на Царской площади, до которой от вашего управления всего десять минут ходьбы, целый лекарский пункт.

Мое тактичное замечание было встречено абсолютно равнодушно:

— Но посоветовали мне именно вас.

Наверное, я должна была чувствовать себя польщенной, но не получалось почему-то.

— Если не секрет, кто посоветовал?

Он посторонился, когда я поднялась по невысокой лестнице из четырех ступенек, чтобы отпереть входную дверь.

— Личная десятка командора Бэйса.

Против воли я улыбнулась. Эта безголовая десятка начала закупаться у меня еще в те времена, когда я была здесь простой работницей, и по сей день делала магазину неплохую выручку.

И, судя по всему, парни совсем не стеснялись рекомендовать меня своим коллегам.

— Они утверждают, что ваши мази какие-то особенные. Действуют почти мгновенно.

Конечно, мгновенно: я же на них не только время тратила, но и силы.

Я же все заговоры, что от бабушки узнала, в дело пустила. Да, храмом это не одобряется, зато повышает полезность продукции.

И пока заговоры и шепотки не запрещены законом, я планировала ими пользоваться... и, наверное, даже после наложения запрета тоже. Если такой будет.

— Без лишней скромности могу сказать, что так оно и есть, — призналась я, с привычной заминкой прокрутив ключ в замочной скважине. Конечно, замок бы следовало давно сменить, но мне нравилось знать, что, кроме меня, открыть дверь не сможет никто. Просто не поймет, почему ключ не проворачивается. Это дарило дополнительное чувство защищенности.

За спиной моей странно хмыкнули. Офицер (а судя по нашивкам, он был именно офицером), совершенно наглым образом забывший представиться, по достоинству оценил мою скромность.

— Итак, — уронив корзинку, полную трав, у дверей, я отцепила от пояса холщовую сумку и бросила рядом с корзинкой, — сколько баночек надо? Какой эффект? Просто заживляющая мазь? Охлаждающе-заживляющая? Охлаждающая?

На меня смотрели удивленно и непонимающе, пришлось пояснять:

— Заживляющая — для того, чтобы ожог прошел, но урок усвоился. Охлаждающе-заживляющая — если ожог был получен случайно и надо срочно все исправить, без боли или каких-то других неприятных ощущений. Охлаждающая — если еще непонятно, что делать с пострадавшим: то ли учить, то ли лечить.

Впечатленный страж медленно огляделся, оценив и деревянные, нежно мною любимые, еще совсем новые полы, и стеклянные стеллажи вдоль стен, и шикарный, очень внушительный прилавок, тяжелый даже на вид, за которым притаились два огромных шкафа. Они были расположены по обе стороны от скромной дверцы, за которой находилась лестница, ведущая на второй этаж, в жилые помещения.

— Заживляющую, — решил он после недолгого раздумья.

— Это очень хорошо, что заживляющую. Охлаждающе-заживляющей мази осталась последняя баночка. На прошлой неделе ее очень хорошо брали, — бодро вещала я, зарывшись в глубины огромного шкафа по левую сторону от

двери. — Удивительно просто, насколько хорошо, если учесть, что раньше она не пользовалась особым спросом. Стражи обычно предпочитали брать простые заживляющие мази для порезов и синяков, а тут такая резкая тяга к мазям от ожогов. Странно, правда?

— Правда, — раздалось совсем рядом. Офицер стоял у прилавка, облокотившись на столешницу и с интересом разглядывая заставленные полки шкафа. — Но, думаю, я в состоянии вам все объяснить.

— Правда?

Баночка с мазью была поставлена прямо перед ним, но страж не удосужился на нее даже взглянуть.

— Видите ли, всему виной недавно прибывший в город новый помощник командора Бэйса, стихийник. Огненный маг, если быть точнее, — он странно улыбнулся, — который решил пересмотреть процесс тренировок и внести некоторые изменения.

— Вот как, — протянула я с серьезным видом. — И как же его зовут?

— Капитан Эверик Санхел.

Ну кто бы мог подумать, что в конце концов я узнаю имя рыжего...

— А я Шелла. Приятно познакомиться.

Капитан хмыкнул, но кивнул.

— С вас три цехеля, — решила укрепить я наше знакомство. Ведь нет на свете ничего надежнее товарно-денежных отношений. Это я усвоила уже давно.

* * *

Удачно прошедший день: ковер из травы, что сейчас просушивался на чердаке, — запасы на зиму все еще активно пополнялись. Знакомство с новым капитаном также оставило после себя приятное ощущение. Он не спалил мой магазин, я была счастлива.

Конечно же, такой хороший день должен был завершиться прекрасной ночью. Но не свезло...

Проснулась я от странного звона и несколько секунд просто лежала, не понимая, что происходит и почему звенит в ушах. Сознание неохотно продиралось сквозь обрывки сна, прислушиваясь и негодуя. Потом до меня дошло, что звон этот является не чем иным, как возмущенным гудением потревоженного защитного контура. Кто-то разорвал плетения и проник внутрь. В мой дом. В мою крепость!

Из постели я выскочила, не замечая предостерегающей прохлады деревянного пола, и тут же бросилась на кухню.

Иногда мне казалось, что мой дом живой, что он умеет чувствовать. Радоваться, злиться или грустить... Сейчас ему было страшно. Я ощущала этот страх в резко понизившейся температуре, в нежелании дверей открываться, в жалобном скрипе совсем недавно смазанных петель. Конечно, знающий человек сказал бы, что это просто побочный эффект взломанной защиты, но мне не нравилось это объяснение, оно было слишком обычным.

Следовало спрятаться и переждать, но я не могла. Не могла позволить кому-то безнаказанно разгуливать по моему магазину, по моему дому. По моей территории. Нужно было добраться до первого этажа и нажать на расположенную под прилавком специально для таких случаев кнопку. Чтобы прибыла доблестная стража и повязала правонарушителя.

На кухне, потратив драгоценные секунды на разглядывание подставки для ножей, я уверенно ухватила за родную сковородку.

Я знала, что не смогу убить человека, зато легко способна его покалечить и не испытывать после угрызений совести.

Рукоять сковороды удобно легла в ладонь.

Я вооружилась, и тому, кто решил забраться в мой магазин, пора было занимать очередь к лекарю. Целым ему отсюда выбраться уже не суждено.

Вниз я спускалась медленно, осторожно, угрожающе выставив сковороду перед собой.

Дверь, ведущая в магазин, открылась легко — единственный положительный момент. Все остальное выглядело печально. Защита на двери и правда оказалась взломана, но в самом магазине никого уже не было.

И мое настроение стремительно портилось, злость мешала сосредоточиться, и запечатать разрыв удалось только с третьего раза. А ведь завтра придется идти к Улисе и просить ее подлатать защиту...

Наверх я возвращалась, грозно размахивая сковородой и очень жалея, что не прислушалась

к советам знающих людей и не подстраховала защиту заклинанием. Вот сейчас бы среагировала какая-нибудь заморозка на незаконную попытку проникновения в магазин, и мне не пришлось бы вставать посреди ночи. И защиту латать завтра тоже не пришлось бы. Утром я бы просто нашла ледяную статую на своем пороге.

Идеально.

Но нет же, пожадничала тогда...

Раздраженно фыркнув, я решительно направилась на кухню, собираясь положить сковороду на место.

Сзади скрипнула половица, и я, не раздумывая, резко крутанулась, замахнувшись своим чужунным оружием.

Мою руку перехватили, крепко сжимая запястье в прохладных пальцах.

— Да... — протянул задумчиво неожиданный гость, гипнотизируя меня взглядом темных глаз. Зрачок, как ему и положено ночью, при свете луны, тускло светился. — Сковородой меня еще не встречали.

— Правда? — глупо спросила я, вызвав мимолетную улыбку Барона.

— Правда, — подтвердил он. — Слезами встречали, истериками, даже обмороками. Сковородой впервые.

Я могла собой гордиться. Я оказалась оригинальной.

Только вместо гордости я испытывала жгучую обиду на Барона, не пожелавшего обо мне забыть.

— Как вы сюда попали? — Страшно почти не было, хотя сердце и пыталось выскочить из груди, но сейчас я, по крайней мере, могла соображать. С трудом, но и то хорошо: мозг от ужаса не отключился, как при первой нашей встрече.

— Через дверь, — ответил он, не замечая моих попыток высвободить руку. — Магазин у тебя неплохой, но жилая часть нуждается в ремонте. Ты знаешь, что раковина в ванной комнате протекает?.. Впрочем, конечно же знаешь, не случайно же там на полу лежит тряпка.

Смысл его слов дошел до меня не сразу, я слишком впечатлилась осознанием того, что, вымотавшись за день, спала крепко и действительно могла не сразу услышать возмущенный призыв взломанной защиты.

И пока я была уверена, что взломщик находится в магазине, он на самом деле разгуливал по моему дому.

— К слову, мне казалось, что человеческие девушки предпочитают кружева. Но то, что я видел в ванной...

Это был триумфальный момент моего позора. Я как-то совсем забыла о нижнем белье, которое развесила еще утром. На балкончик, ведущий во внутренний двор, вывешивать его я стеснялась.

М-да...

А дружелюбно улыбающееся чудовище продолжало меня добивать:

— В крайнем случае атласное, но хлопок... Ты ведь незамужняя?

— А если замужня? — дерзко спросила его, не зная, плакать мне или смеяться.

— Придется сделать тебя вдовой, — буднично сообщили мне.

И смеяться перехотелось. Плакать, однозначно плакать.

— Так что где муж? — с жутковатым энтузиазмом поинтересовался Барон, критически оглядывая кухню: не иначе искал, где спряталась его жертва.

— Нет его, — поспешно открестилась я от несуществующего супруга и, как следствие, скорой смены статуса на безутешную вдову.

— Рад слышать, — сказано это было вроде как даже искренне. — Позволишь?

Сковороду он у меня отобрал, взвесил в руке, проверяя убойноспособность, остался доволен и бережно положил ее на стол, рядом с забытой сахарницей.

Запястье мое продолжали сжимать прохладные пальцы, и это сильно нервировало.

— А теперь перейдем к главному. — Грубо дернув меня к себе, почти впечатав в свое тело, Барон неожиданно нежно попросил: — Не бойся. И постарайся не вырываться.

Постарайся не вырываться... Х-х-хороший совет, ничего не скажешь.

— А нельзя как-то по-другому из меня жизнь тянуть? — пробормотала я, покорная его руке, запрокинув голову, но старательно отворачиваясь от прохладных губ. Я не вырывалась, как ме-

ня и просили, но и безропотно мириться с происходящим не собиралась.

— Можно, — выдохнули мне в висок, — но зачем отказывать себе в маленьком удовольствии?

Ответить на это мне было нечего.

Я стояла на холодном полу, в одной ночной рубашке, прижатая к самому настоящему чудищу, утратив возможность даже просто отвернуться: запутавшиеся в моих волосах пальцы Барона надежно фиксировали голову. А этот улыбался.

— Ты же добрая девочка. Ты хотела мне помочь, — мягко напомнил он, и тусклые отсветы тонкого полумесяца горели в его зрачках.

— Ошибку свою осознала и во всем раскаялась. Правда! Больше никогда и никому не буду помогать!

Обережное кольцо предостерегающе нагрелось, по ободку скользнула одинокая искра.

Тихий смех был моей наградой за честность.

Барон склонился ко мне, с жутковатым голодом прижавшись к моим губам. И тут же отпрянул, тихо ахнув.

— Это еще что такое было? — возмутился он, но я, чувствовавшая только теплое дыхание и легкое прикосновение к своим губам, точно не могла ему ничего объяснить. Не дождавшись ответа, он выдохнул. — Хорошо, попробуем еще раз.

Я не сопротивлялась, мне и самой было интересно, что случится. Не просто же так он от меня отшатнулся...

Барон повторно склонился ко мне, прижался к губам, дернулся и тут же отстранился. Руг-

нулся непонятно, попытался еще раз. И его еще раз тряхнуло.

И только тут до меня начало доходить...

— То есть бычья кровь и защитный контур вас не сдерживают, а магия ведьм — очень даже? — задумчиво пробормотала я, и... да, каюсь, голос мой дрожал от едва сдерживаемого ликования.

Улиса уделала самого Полуночного Барона.

— Повтори-ка, — угрожающе потребовал он.

И я, разумеется, промолчала, ругая себя за то, что вообще рот открыла.

— Значит, не хочешь говорить? — Он был раздражен, но не зол, и вместо того, чтобы свернуть мне шею и напиться всплеском посмертной силы, разжал объятия и, теребя кончик моей косы, внимательно смотрел. Просто смотрел, и все.

И пусть выглядело это жутко, но... я вполне могла это терпеть. При ближайшем знакомстве Барон оказался совсем не таким страшным, как о нем говорилось в легендах.

Чудище то еще, конечно, но было в нем что-то неуловимо человеческое...

— Послушай меня, моя строптивая прелесть, все ваши глупые обряды с животной кровью призваны успокоить вас. Меня не собьет со следа и не остановит на пороге размазанная по косяку свиная кровь. И зарытый под порогом палец мертвеца тоже. Но я понимаю ваши попытки защититься и принимаю их, а знаешь, чего я никогда не приму? — Он говорил, и с каждым

словом голос его становился все глуше, чтобы взорваться тихим, угрожающим рычанием в момент, когда я меньше всего этого ждала: — Что мою собственность попытаются у меня забрать!

Я вздрогнула, отшатнулась и тут же была схвачена, сжата и впечатана в неменяемого психа. Правильно говорят о Высших — умом они тронулись. Рожденные смертью этого мира, вышедшие из разлома, они просто не могли быть нормальными.

Но мне все равно стало обидно. Засыпала я вполне самостоятельным, совершенно свободным человеком, а посреди ночи вот стала вещью.

Собственностью.

— Имя ведьмы? — глухо спросил Барон.

Я молчала. Упрямо и как-то злорадно.

— Девочка моя, позволь тебе кое-что объяснить.

Меня ощутимо передернуло и от этого отвратительного «девочка моя», и от угрожающих интонаций, проскользнувших в его голосе.

— Я все равно узнаю, кто это сделал, и лишь от тебя зависит, будет ли тебе больно.

Но я-то знала, что Улиса ведьма опытная и следов после себя не оставляет, а потому, осмелевшая от осознания, что убивать меня не будут, нагло предложила:

— Можете попробовать.

А вот о том, что Барон — Высший, почему-то забыла.

Зря.

— Глупая, — с сожалением вздохнул он.

В то же мгновение меня выгнуло от боли. Ощущение было такое, будто кто-то поджег мне кровь и теперь по венам бежит огонь, медленно прожаривая изнутри.

Я хрипела и подергивалась в его руках, неспособная даже стоять. Кровь горела.

И лежать бы мне на полу, если бы меня не поддерживал Барон, терпеливо снимая магический слепок.

Длилось это несколько секунд, хотя, казалось, минули часы, и, придя в себя на руках у хмурого чудовища, я очень удивилась, что за окном все еще ночь.

— Стоило так упрячиться? — с укором спросил Барон, не спеша меня отпустить.

— Я... — Голос дрожал и не слушался, пришлось замолчать, чтобы клокочущая внутри и набирающая обороты истерика не вырвалась наружу.

Меня только что просканировали. После этого меньше всего хотелось, чтобы наше внезапное тесное знакомство с Бароном стало еще ближе. Плакать я себе даже перед родителями не позволяла лет с тринадцати, уверенная, что все эти проявления слабости — слишком личное и не для чужих глаз.

Но сканирование резерва и проверка всех магических вмешательств в ауру — тоже личное, а этот взял и без разрешения сунул нос в самое сокровенное...

— Закрой глаза, — посоветовал Барон.

Чего от меня хотят, поняла я не сразу. А потому, когда все вокруг заполнил лунный свет, замешкалась и после долго смаргивала белые точки, плавающие перед глазами. Перемещение в лунном сиянии оказалось достаточно неприятной вещью для неподготовленного человека...

Ночью гостиная Улисы выглядела мрачновато. Особенно сейчас, когда Барон, словно играючи, вскрыл защиту дома (а защита у Улисы была отменной, не чета моей) и с невозмутимым видом осматривался.

Стоял он посреди гостиной, рядом с низким столиком из черного дерева, продолжая держать на руках меня, оглушенную тонким писком поврежденного защитного плетения. И мне с такой высоты было прекрасно видно, как замерзает пол, а на щегольские ботинки из мягкой кожи медленно наползает корочка льда...

Барон ругнулся, топнул ногой, и все прекратилось. Защитная магия больше не пыталась его сдержать, писк оборвался.

В дверях, держа перед собой руку с проскальзывающими между пальцев искрами, появилась взбешенная Улиса.

По подолу ее кружевной сорочки пробежали зеленые всполохи, на растрепанных рыжих волосах плясали язычки пламени. И глаза ее угрожающе горели зеленым огнем. Ведьма была в полной боеготовности, прекрасна и устрашающа одновременно... А потом она встретилась взглядом с Бароном, и огонь потух. Медленно

опустив руки, Улиса несколько секунд стояла, пошатываясь на ослабевших ногах, боролась с собой, но все равно рухнула на колени, униженно преклоняясь перед Высшим.

— Ведьмы, — покачал головой Барон, не считая нужным скрывать свое пренебрежительное отношение. Снисходительно добавил: — Люблю ваше племя.

Улиса молчала, уткнувшись лбом в пол, напряженная спина ее чуть заметно подрагивала. Ведьма чувствовала силу Высшего и не могла ей противиться. В отличие от меня, например. Я ничего такого не ощущала и на Улису смотрела с сочувствием.

Барон, гадская его натура, решил сразу прояснить важные вопросы и, не стесняясь, обрушил на Улису всю свою мощь... или не всю. Судя по тому, что она все еще дышала, Полуночник великодушно сдержался. Проучил ведьму, но не причинил ей особого вреда.

— Не надо, — прошептала я, напряженно глядя на распластанную на полу ведьму. Даже понимая, что моя просьба для Барона ничего не значит, смолчать не смогла.

Как ни странно, мучить несчастную и дальше он не стал.

— Поднимайся, — велел сухо, и Улиса перестала дрожать.

Медленно, с трудом, она встала на подгибающиеся ноги и тут же чуть не рухнула обратно, услышав властное:

— А теперьними с нее свою защиту.

— Но я.. — Улиса выглядела смятенной и непривычно молодой. Почти девочка. Напуганная, растерянная, очень несчастная.

— Ты — самонадеянная дура, — жестко впечатал ее Барон. — Сделала все, чтобы защиту невозможно было взломать без вреда для ее здоровья.

Меня встряхнули, предлагая внимательнее присмотреться к жертве опасных ведьмовских экспериментов.

— Мою защиту в принципе невозможно взломать, — вскинулась Улиса, и на одно короткое мгновение на смену напуганному ребенку пришла та самая уверенная в себе вредная ведьма.

Промелькнула в голосе, взгляде и уязвленно поджатых губах и исчезла, сметенная спокойным:

— Я нашел три возможности вскрыть защиту. К сожалению, ни один из вариантов нельзя назвать безопасным.

Поймав виноватый взгляд Улисы, я тяжело вздохнула, со странным чувством осознавая, что защита ее от Барона меня таки не спасет... Хотя, судя по всему, от него вообще ничего не спасет.

Сомнительной удачей с большой натяжкой можно было бы, конечно, считать то, что мои кровно заработанные денежки, потраченные на эту ненадежную защиту, Улисе придется вернуть. Профессиональная ведьминская гордость не позволит ей оставить их себе.

Улиса возилась долго. Периодически с ужасом поглядывая на Барона, устроившегося у ок-

на. В лунном свете он казался нереальным, но все равно очень жутким.

Ведьма была впечатлена и, подозреваю, уже не хотела знать, как целуется это Полуночное чудовище.

Я тоже совсем не хотела этого знать и вообще не хотела иметь дел с Высшим, но Барон не отрываясь следил за нами, и предвкушающий взгляд его страшных глаз обещал мне много неприятных минут.

Стоило Улисе закончить, как меня вырвали из ее похолодевших рук, резко крутанули и прижали к себе, вжимая мою голову в жилет на груди. Лбом прямо в маленькую острогранную пуговицу, выточенную из черного агата.

Я не успела даже пискнуть, когда перед глазами засеребрилось ослепляющее сияние открываемого перехода.

Ведьма сдавленно охнула, когда Барон вместе со мной растворился в лунном свете прямо у нее на глазах.

И стоило нам только вернуться обратно на мою кухню, как я услышала проникновенное:

— Дорогая, постарайся больше меня не расстраивать.

Сказано это было очень внушительно, я прямо весь ужас своих неприятностей прочувствовала, что ждут меня, если вдруг я буду иметь глупость еще раз расстроить Барона.

А ведь счастье было так возможно... целая неделя покоя. Неделя! Ну как он меня нашел?

Хотя вопрос, конечно, риторический. У Высших столько талантов, что простым смертным вроде меня и не снились.

Наверное, мне вообще стоило радоваться, что чудовище у нас одно и оно не хочет меня убивать.

На самом деле нам всем очень повезло: после разлома мира наш остров оградила естественная защита, преодолеть которую было довольно сложно. Потому жили мы достаточно мирно, притесняемые лишь Полуночным Бароном... и жрецами Многоликого.

На материке же дела обстояли куда как печальнее. Там, помимо выбравшихся из разлома монстров, почитаемых за богов, появились еще и обычные чудища вроде хейзаров. Человекоподобные, но жуткие создания официально считались детьми одной из Высших, ставшей богиней... Дети ее, что печально, тоже людьми питались. Раньше. До того, как всех людей в резервацию загнали, для их же блага...

Конечно, если так подумать, то Барон еще не самый худший вариант.

Оптимизм мой был ярким, острым и кратковременным. И погребен оказался под сметающим все на своем пути голодом Высшего, не пожелавшего ждать, пока я приду в себя после перемещения и подготовлюсь к очередному донорству.

Зажмурившись, я попыталась не то чтобы вырваться, но хотя бы немного отстраниться. Прекратить вжиматься в подрагивающее от напря-

жения тело и чуть ослабить напор Высшего. Хриплое угрожающее рычание сообщило, что это плохая идея.

Барон жадно тянул мою жизнь, кажется, совсем позабыв, что обещал не выпивать полностью...

Укусила его я исключительно из-за желания жить. Высший вздрогнул. Отстранился.

— Надеюсь, это не войдет у тебя в привычку, — хрипло заметил он.

Я глубокомысленно промолчала, занятая исключительно проверкой своего состояния. Как ни странно, но ноги не подгибались и слабости почти не было. А из неприятных ощущений лишь легкая усталость и слабый голод.

Кажется, я запаниковала и цапнула его раньше, чем следовало.

И теперь ожидала, что он затребует продолжения, заявит, что я пожадничала, и возьмет столько, сколько, по его мнению, я ему должна.

И завтрашний день я проведу в сонном отупении.

Действительность оказалась куда как ужаснее.

— Но ты права, я не должен забывать, что ты человек и жизнь твоя слишком хрупка.

Меня эти слова изрядно напрягли, как и то, что Барон не торопился разжимать рук. Я прямо чувствовала, как огромная неприятность готовится обрушиться на мою несчастную голову. И ждать себя она не заставила.

— Думаю, мне стоит приходить к тебе каждый вечер и брать понемногу, отменив визиты

раз в седмицу. Так тебе будет проще восстанавливаться. Что скажешь, хорошая идея?

Облизав саднящие губы, я хотела сказать, что идея очень плохая, но голос меня не слушался. Слова колючим комом застряли в горле.

Каждый вечер видеть *этого*...

Наверное, впервые за прошедшие три года, что я жила в городе, меня посетило желание сбежать обратно в деревню. Домой, к властной бабушке, замкнувшемуся после смерти матери отцу и позорному клейму старой девы.

На меня его еще в семнадцать лет примерять начали, ругая отца за излишнюю переборчивость в женихах. А уж сейчас точно станут пальцем показывать и гадости выдумывать... но разве ж это можно считать серьезной проблемой? Уж точно не после того, что со мной случилось...

Глава 3

О СЛОЖНОСТЯХ ОБЩЕНИЯ И НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Барон сидел за столом, крутил в пальцах толстенный стакан, раньше никогда не видевший эту кухню, любовался янтарными отсветами содержимого и ждал меня.

Защита магазина молчала...

Улиса, впечатленная эпичной встречей с Полуночником, расстаралась на славу и защиту мою латала добрых три часа, сращивая разрывы и вплетая новые заклинания. Перед уходом,

отказавшись даже от чая, она виновато предупредила:

— Не уверена, что это поможет против *него*.

Я была настроена оптимистичнее и считала, что даже если защита Высшего и не задержит, то хотя бы о прибытии его сообщит.

А она не сообщила.

Угнетая меня своими исключительными талантами, Барон предупредительно не стал повторять недавний ночной подвиг и ломиться в двери. Вместо этого он как-то обошел все плетения, не потревожив ни одного из них.

А я, все еще наивно полагавшая, что мой дом — моя крепость, стояла теперь перед ним в одном полотенце, чувствуя, как с мокрых волос на пол капает вода.

Скованная оторопью, я напрочь забыла, зачем сюда шла. Потому что какой-то там крем, пусть даже и сделанный по моему собственному рецепту, не мог быть важнее сидящего на кухне мужика.

— Какой приятный сюрприз, — хмыкнул вторженец, с интересом разглядывая мой наряд.

Смущение странным образом помогло побороть замешательство. Переступив голыми ногами, я на всякий случай ухватила за полотенце на груди — хотелось верить, что вид мой в этот момент был воинственным.

— Послушайте, по какому праву вы здесь находитесь?

— По праву гостя? — предположил Барон, отставив стакан в сторону.

— Но я вас не приглашала!

— Да, ты на удивление негостеприимная хозяйка. — Сокрушенный вздох и насквозь фальшивое: — Не могу понять, что я в тебе нашел.

По всем правилам сейчас я должна была испытывать страх, леденящий ужас, в крайнем случае — судорожный трепет. Но никак не раздражение!

А я была раздражена, и совсем уж озвереть мне не позволяло лишь осознание того, что злить Барона нельзя. Это пока он ведет себя вежливо и даже дружелюбно... насколько вежливым и дружелюбным только может быть Высший, но что случится, выйди он из себя?

Страшно было это даже представить...

Да, мне хотелось дерзить, хамить и ругаться, но я молчала, благоразумно давая свои самоубийственные порывы.

Пока я боролась с собой, Барон внимательно меня разглядывал.

— Ты меня соблазняешь? — деловито спросил он наконец, гася мой гнев изрядной долей удивления.

— Что?

— Этот вид. — Меня смерили оценивающим взглядом. — Ты пытаешься меня соблазнить?

Я глубоко вдохнула. Выдохнула.

Напомнила себе, что сама виновата: не уехала утром домой на первой же попутной карете, вот теперь и огребаю. И все было бы нормально, я бы даже так не бесилась, если бы не одна маленькая деталь:

— Сейчас только семь часов!

— Вечера. Я же обещал прийти вечером, — с предвкушающей улыбкой заметил Барон. Поднялся, с подозрительной демонстративностью скинул камзол на спинку стула и деловито одернул жилет. — Хорошо, уговорила. Я согласен.

— На что уговорила? — опешила я. Нет, было у меня страстное желание убедить его оставить меня в покое, но это же больше на неосуществимую мечту походило. Я ведь даже попытаться его об этом попросить не успела...

— Пойдем в спальню, искусительница. Для развлечений на столе я слишком стар.

Из кухни меня как ветром сдуло. Дверь в спальню я запирала под веселый хохот Барона.

С одной стороны, неожиданная новость: Высший умеет смеяться и даже шутить пытается. Хотя шутки у него глупые. Дурацкие шутки.

С другой стороны — он мной не просто питается, но еще и издеваться имеет наглость! Возмутительно и обидно.

Одевалась я быстро, беспокойно косясь на дверь, и готова была минуты через три. Могла бы и раньше, но платье в пол с высоким воротом застегивалось очень сложно — множество мелких пуговичек серьезно усложняли процесс. Зато никто уж точно не посмел бы обвинить меня в том, что я его соблазняю, только не в этом платье.

Быстро заплетая влажные волосы, я поспешила на кухню к незваному гостю.

Лучше бы не спешила. Барон, казалось, совсем не скучал без моего общества, но стоило

только вновь появиться в дверях, как меня придирчиво осмотрели с ног до головы и поморщились:

— Полотенце мне нравилось больше.

Я благоразумно промолчала. Во мне, как выяснялось, было много благоразумия.

Одним махом осушив содержимое стакана, Барон небрежно бросил его за спину. Я готовилась к звону стекла и уже пыталась припомнить, принесла ли щетку и совок из магазина после того, как поутру собирала рассыпавшуюся смесь. Но вместо того, чтобы врезаться в стену и разбиться, стакан просто растаял в воздухе, оставив от себя лишь две янтарные капельки, быстро впитавшиеся в деревянный пол.

— Радость моя, ну что же ты замерла? Неужели ты действительно не умеешь принимать гостей? — удрученно покачал головой Барон.

Это меня очень возмутило:

— То есть вы собираетесь мною питаться и хотите, чтобы я сама, по доброй воле, к вам подошла?

— Для начала сгодится и простая еда, — снисходительно ответил он. — Давай, дорогая, накорми гостя.

Дорогая подвисла:

— А вы едите простую еду?

И второй раз за вечер на моей кухне раздался смех Высшего. Кто-то сегодня был очень весел, а я по опыту знала, что не к добру это. И, скорее всего, кто-то другой сегодня будет грустить. Например, я.

* * *

Ел он с аппетитом, словно я ему не простой суп предложила, а ужин из трех блюд в каком-нибудь элитном ресторане вроде «Сомели», где чашечка чая стоила как половина моей месячной оплаты магазина.

— Вы в последний раз когда ели? — спросила я, с ужасом чувствуя, как меня подтачивает неуместная жалость. Такой голодный, такой несчастный...

Тьфу!

Он же чудовище, мне себя должно быть жалко, а не его!

— Смотря как считать, — пожал плечами он. — Если судить по времени вашего государства — вчерашним днем, если по расчету Темных земель — утром.

— Понятно.

Под удивленным взглядом Барона я вытащила еще одну тарелку и щедро отрубила внушительный кусок картофельной запеканки с мясом. Она еще была горячая, очень ароматная. Вкусная...

Поставив тарелку перед Высшим, я не удержалась и себе тоже отрезала кусочек.

— Ты точно незамужняя? — подозрительно уточнил Барон, следя за мной. Про еду он на время забыл, встревоженный своим подозрением.

— Точно, — грустно вздохнула я. Потому что была бы замужняя, меня бы никто так поздно на день рождения не отпустил. А если бы и от-

пустил, то пришел забирать... В любом случае с Высшим я бы не столкнулась.

С сомнением поглядев на плиту, где на монолитной поверхности стояла пятилитровая кастрюля с супом, а на столе рядом остывала запеканка, Барон не смог смолчать:

— Но не сама же ты все это собиралась съесть?

— У меня есть холодная, — намекнула я, кивнув на огромный стальной ящик, снаружи обитый деревом. Внутри же царила вечная зима, обеспечивал которую маленький плоский кристалл, вделанный в пол ящика.

Намека Барон не понял. Он, кажется, вообще не понимал, что некоторые люди предпочитают готовить впрок. Впрочем, что он мог знать о людях и о готовке? Что он вообще знал о скучном быте простого смертного?

— Родная...

— Меня зовут Шелла, — перебила его я. Просто взяла и перебила. И даже не умерла на месте от страха или его ярости.

— Хорошее имя, — снисходительно согласился он, — но значения не имеет.

— Это еще почему?

— Потому что вы, люди, крайне хрупки и недолговечны. Мне нет смысла запоминать твое имя, ты все равно умрешь лет через сорок.

Звучало это в высшей степени жизнеутверждающе. Раз Барон уже решил, что я умру через сорок лет, значит, убивать меня не планирует... а то, что бабка моя по материнской линии была ведь-

мой и родство с ней мне жизненный срок изрядно увеличило, ему знать вовсе не обязательно.

— Чему ты улыбаешься? — ворвался в мои оптимистичные мысли голос Высшего.

— Просто так, — пожала плечами я. — Захотелось.

Объяснение Барона удовлетворило, он лишь снисходительно фыркнул:

— Женщины.

Обычный ужин должен завершиться мирным чаепитием и парочкой пирожных, что я по традиции покупала в пекарне на перекрестке.

Замечательные пирожные!

И Высшему они точно понравились, уж очень довольное лицо было у Барона, когда он доставал из коробки третью песочную корзинку с ягодным кремом.

Способная единолично опустошить такую вот коробочку с шестью пирожными за неполный час, я лишь с умилением любовалась аппетитом чудовища. Он выпил шесть чашек чая, съел четыре пирожных и, по идее, должен был бы отбыть по своим делам, сытый и довольный жизнью. А вместо заветного: «Ну, я пошел. Еще увидимся» — я услышала нетерпеливое:

— А теперь иди сюда. — Отставив пустую чашку, Барон похлопал по колену, призывая меня, видимо, расположиться на нем. — Пришло время десерта.

— Так вы... уже.

Меня одарили снисходительной улыбкой и повторно похлопали по колену.

Я на него свои любимые пироженки потратила в надежде на спасение, а он их даже в расчет не взял! Десерт ему подавай...

— Дорогая, не вынуждай меня подниматься.

Барон все еще был устрашающе дружелюбен, но в голосе его проскользнули какие-то невероятные угрожающие нотки, заставившие меня мгновенно подскочить и броситься к нему. Затормозила я прямо перед Высшим, с трудом подавив порыв упасть ему на колени.

— Ну? — На меня смотрели выжидающе. И, пожалуй, только сейчас я заметила, что значок у него совершенно обычный. Черный. Благодаря чему можно было разглядеть цвет радужки — очень темной, но с явным синеватым отливом. В памяти почему-то всколыхнулось воспоминание о моей самой первой, самой сильной и страшной грозе, запомнившейся на всю жизнь.

Тот солнечный день незаметно быстро поглотили сумерки, а синеву безоблачного неба затянули тяжелые низкие тучи. Мне тогда было всего шесть лет, и непогода застала меня на реке... И, глядя сейчас в глаза Барона, я видела то небо и почти чувствовала, как сильный ветер треплет волосы, как рвет платье и хлесткими пощечинами стегает по лицу. А в ушах гудел первый густой раскат грома, такой могучий и грозный...

Я тряхнула головой, быстро смаргивая вставшую перед глазами картину.

Передо мной все еще сидел Высший, нетерпеливо постукивая указательным пальцем по столу.